

МЕЖДУ НАМИ,
ДЕВОЧКАМИ

Ксения Беленкова

Ксения Александровна Беленкова

Между нами, девочками

Серия «Только для девчонок»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11868354

Беленкова, Ксения. Эффект лучшего друга : повесть: Эксмо; Москва;

2015

ISBN 978-5-699-83011-4

Аннотация

Ранее выходила под названием «Эффект лучшего друга»

С Женькой случилась первая любовь, но как же не вовремя она пришла к парню! Быть актером его настоящее призвание, а ему пришлось покинуть театральный кружок, и вовсе не по собственной воле. Да к тому же впереди выпускные экзамены и времени ни на что нет. Но благодаря бойкому характеру Женька не сдался, а мастерски решил все свои проблемы самым оригинальным способом, который только можно придумать...

Содержание

Глава первая,	5
Глава вторая,	14
Глава третья,	22
Глава четвертая,	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ксения Беленкова

Эффект лучшего друга

© Беленкова К., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава первая, в которой многое заканчивается, так и не начавшись

Физкультурный зал школы номер сто шестьдесят один по улице Новикова сиял окнами в вечернюю темноту осенней Москвы. В полусонном здании расположился театральный кружок «Маска»: объятые кисло-лимонным светом юные дарования приступили к работе над новым школьным спектаклем. По широкому залу хозяйским размашистым шагом прохаживался учитель физкультуры, он же руководитель трудолюбивого кружка, Боровиков Михаил Юрьевич, а для большинства учеников – просто Боров. Впечатывая мускулистые ноги в скрипучий, сияющий лаком пол, Михаил Юрьевич обводил тяжелым и беспощадным взором лица своих подопечных, выстроенных в ровную шеренгу. Он кривил пухлые губы, явно недовольный качеством «поголовья».

– Северным оленем у нас будет, – тянул слова, выскивая подходящую фактуру, – оленем будет...

Ребята смущенно отворачивались, будто чувствуя себя недостойными предлагаемой роли. Они чуть сгибали колени и втягивали щеки, стараясь казаться как можно более немощными и субтильными. Положа руку на сердце, никто из них не жаждал примерить оленьи рога и копыта даже ра-

ди искусства.

Женька Рудык единственный легко и уверенно смотрел в глаза Борову. Вжимать голову в плечи и отваливать нижнюю челюсть, изображая пожизненное недомогание, у Женьки просто не было нужды. Вот уже неделю он потихоньку разучивал роль Кая, которая досталась ему, что называется, по заслугам. Рудык был, кажется, единственным, кто посещал «Маску» по зову сердца, а не ради банальной оценки. По большому счету ребята приходили в кружок лишь затем, чтобы разжалобить Борова на пятерку по физкультуре. Требовательный и суровый на своих уроках, Михаил Юрьевич размягчался, точно пластилин в пламенных руках, когда в силу вступало театральное искусство. Он вдохновенно творил свои маленькие покорные миры. И готов был пустить слезу, когда актеры с точностью мячей, попадающих к корзине, отыгрывали свои роли. В журнал ложились пухлятые пятерки, даже если какой-нибудь талантливый Северный олень недостаточно быстро пробежал стометровку или попросту не мог на уроке оседлать козла. Потому дорога в «Маску» не зарастала, кружок жил вопреки беспощадным нормам ГТО.

Женьку мало интересовали отметки, он был томим той же страстью, что и физрук – театр манил его, даруя возможность создать для себя новую интересную реальность. Не виртуальную, ограниченную слепым экраном любого гаджета, а совершенно реальную – дышащую и осязаемую. Женька мечтал о главных ролях и готов был разучивать десятки стра-

ниц текста, что порою отвращало от кружка иных охотников за пятерками. Кто-то предпочитал активнее взяться за свое тело, оставляя духу возможность лениво поживать среди способных к долгим отжиманиям мышц. Но Женька отчаянно, с неизбывным азартом нырял в глубокие, многословные роли. Память никогда не изменяла ему на школьной сцене, и даже природная скромность испарялась куда-то, лишь только Женька входил в роль. Отличающийся быстрой реакцией, Боров довольно скоро оценил способности Рудыка, и вместо безмолвных рогов ему стали доставаться большие роли. «Тебе бы еще фактуру подкачать! – кривил Боров скуластую мину, ощупывая куриные Женькины ручки. – Колориту нарастить!» К прискорбию физрука, его самый ответственный и работоспособный артист был ростом ниже среднего и носил неприметную, костлявую худобу. Так что однажды, заменяя освобожденного от физкультуры Крота, оказался чуть ли не вдвое меньше Дюймовочки. Превратив трогательную сказку в сухую буффонаду.

– Титяков! Шаг вперед из строя! – пробасил Боров, заставляя всю шеренгу разом вздрогнуть.

Из шеренги выдвинулся длинный, сутулый парень, остриженный игольчатым бобриком.

– Будешь Северным оленем. – Боров измерил вогнутую фигуру Титякова профессиональным взором и что-то удовлетворенно отметил в своем блокноте.

– Но... я... – неуверенно проямлил Титяков, прищурив-

шись, точно обиженный на весь белый свет.

– Отставить разговоры! – резюмировал Боров и тут же продолжил, сверившись со списком действующих лиц. – Маленькой разбойницей будет...

Пол снова закрипел под широкими подошвами белых кроссовок: физрук дробил зал шагами. Титяков послушно вернулся в шеренгу, будто бы даже слегка успокоенный тем, что роль разбойницы его теперь точно минует. Женька невольно переминался с ноги на ногу, он даже стал немного нервничать, не в силах дожидаться завершения этого скучного, почти формального процесса раздачи второстепенных персонажей. Ему не терпелось погрузиться в свою большую роль, войти в образ мальчишки с остывшим сердцем. Он уже представлял себя зимней рекой, спящей под костяным льдом, так что и не видать ее живого течения. Женька был практически уверен, что на этот раз переиграет саму Снежную королеву. Да и чего можно ожидать от пустоголовой прогульщицы, которую на роль выбрали, судя по всему, лишь из-за вечно отмороженного вида. А бесстрашная, хрупкая Герда должна была предстать в обличи перекормленной толстухи, с телом мучнистым, белым и рассыпчатым. В этот раз ему не было равных! Женька уже не видел вокруг себя физкультурного зала, поселившись в ином, сказочном измерении, он повторял про себя слова заветной роли: «Розы цветут... Красота, красота! Скоро узрим мы...»

– Можно войти? – Дверь в зал распахнулась, впуская к

свету чью-то любопытную льняную голову.

Шеренга волной развернулась к опоздавшему, который вовсе не выглядел смущенным.

– Здесь прогулы по физре отрабатывают? – бодренько и звучно спросила голова у шеренги, являя следом шею и широкие плечи.

– Ошибаетесь, юноша! – Вперед вышел могучий Боров. – Теперь это не физкультурный зал, а храм искусства!

Он окатил льняную голову свирепым взглядом.

– Ага, ясненько. Пусть храм. – В зал смело шагнул рослый юноша с лицом настолько правильным и лишенным изъянов, что оно казалось неживым. – Я бы хотел к вам, в артисты. Или только монахов берут?

Шеренга приглушенно захрюкала, ожидая, что сейчас Боров одним резким словом сорвет всю браваду с этого самоуверенного парня.

– Ищенко? Из одиннадцатого «В»? – Боров приближался к выскочке, внимательно разглядывая новоприбывшего. – Пять посещений за всю первую четверть?

Новенький гордо кивнул, явно воспринимая сказанное за комплимент. Женя, которого так неуместно вырвал из грез этот странный визит, невольно зажмурился, ожидая гневную, раскатистую речь, которой Боров приветствовал каждого новобранца, чтобы потом пристроить на скамейку запасных, с требованием разучить все роли подряд. Но по залу неожиданно расплзлась тишина, даже шаги Борова приоб-

рели какую-то хищную пружинистость и осторожность. Физрук все ближе и ближе подходил к жертве, изучая Ищенко так тщательно, что казалось, тот должен распасться на молекулы. Шеренга прекратила хрюкать и затаилась. Все сейчас смотрели на Ищенко, даже Женька глянул на него, но почти без интереса, скорее от скуки. Парень был так хорош, что, казалось, отливал глянцем и слепил глаза. Женька сморщился, опуская голову, чтобы длинная челка подарила необходимую тень.

– Память хорошая? – тихо и вкрадчиво спросил Боров у рисованного красавца.

– Не жалуюсь, – плакатно улыбнулся Ищенко, и ровные зубы, сияя, выскочили из-под губ.

– Боязнь сцены? – докапывался Боров.

– А похоже? – нагло вато переспросил Ищенко.

Боров обошел новенького, тот не повернул головы. Высокий, статный, застывший, точно музейный Аполлон.

– Каем будешь? – то ли спросил, то ли сразу утвердил на роль Боров.

– Хоть кием, – ровно ответил Ищенко. – Если физру зачете.

Боров усмехнулся и тут же утробно прогремел:

– Заметано. Будешь Каем, слова сегодня же возьмешь у Рудыка. – Он махнул на Женьку рукой. – В строй!

Женька не поверил этим словам, он даже чуть подвигал челюстью, думая, что у него просто-напросто заложило уши.

Рот неожиданно пересох, в нем разверзлась горячая пустыня, в горле что-то заскрежетало, заскребло. Он закашлялся и прохрипел:

– Как это Каем? Михал Юрич, а как же я?

Женьке показалось, будто Ищенко улыбается, с холодным превосходством глядя в его сторону.

– А ты, Рудык, не кашляй! – не растерялся Боров. – Выздоровливай. И главное, не волнуйся, твоя роль в крепких, надежных руках.

Ищенко показательно, будто даже издеваясь, начал закатывать рукава, демонстрируя всем безупречные мраморные запястья.

– Но я здоров! – сипел Женька, до сих пор не в силах осознать происходящее. – Я же надеялся, я так ждал... я учил, в конце концов!

Он перешел на фальцет и раскраснелся, точно гриппозный.

Покровительственно обняв Ищенко за плечи и провожая его к шеренге, Боров, будто нехотя, отвечал Женьке.

– Ну, хорошо, – бархатно, чуть устало сказал он. – Раз ты чувствуешь себя здоровым, несмотря на этот страшный приступ кашля, который того гляди сведет тебя на больничную койку. – Он посмотрел на Рудыка с напускным, театральным сочувствием, – раз ты настолько уверен в своих силах... – продолжил настойчивее, ожидая лишь отказа.

– Я уверен! – взвился Женька.

– Тогда ладно, – смилостивился Боров. – Оставайся в спектакле...

Женька выдохнул, по телу струилось что-то похожее на счастье или же это был пот. Физрук что-то отметил в своем блокноте и одобрительно закивал сам себе.

– Будешь Маленькой разбойницей! – гаркнул он и захлопнул блокнот.

Женькино счастье тут же стало каким-то мокрым и холодным, голос окончательно пропал.

– Даже над образом работать не надо, – беспощадно добивал его физрук. – Патлы длинные, вечно растрепанные, фигурка тщедушная, как у девчонки.

Шеренга расслабилась и снова начала похрюкивать, даже Боров издал какое-то самодовольное, подобное смеху урчание. Лишь Ищенко хранил на лице безразличное ко всему, устремленное внутрь упоение.

– И-и-и, – пищал Женька, – Издеваетесь? Если так, тогда я... я ухожу из «Маски»!

Боров вскинул к потолку равнодушный взгляд, говорящий лишь о том, что зарвавшийся артист скоро перебесится и вернется в строй, став снова гладким, обтекаемым и податливым, как ручной мяч. Женька затравленно озирался, все еще надеясь, что произошедшее – какая-то глупая шутка. Потом неуверенно вышел из строя и направился к двери, в любой момент готовый услышать, что все это лишь розыгрыш, и вернуться в плотную, дружескую шеренгу. Он делал

один шаг за другим, но никто его не удерживал, не умолял остаться, зато дверь неминуемо приближалась, росла и ширилась.

– Да ладно тебе, оставайся, – шепнул в ухо Титяков, стоящий последним в шеренге. – Вот я олень и не парюсь...

Перед глазами у Женьки все плыло, ему вдруг показалось, будто у Титякова над головой растут и ветвятся рога, извиваясь, точно щупальца осьминога.

– Ты не олень, ты лось, Титяков! – выкрикнул Женька ему в высокий кадык.

И рванул прочь из зала. Титяков еще пару секунд обиженно щурился ему в спину, но вскоре совершенно забыл о замене Кая. Утомленные ожиданием артисты начали первую репетицию нового спектакля.

Хорошенько хлопнув за спиной безответной дверью, Женька побежал мрачными пустыми коридорами, выскочил на холодную улицу и припустил наискосок через школьный двор в направлении дома. А осень тихо заметала его след медной листвой...

Глава вторая, трагикомическая

– Как же я рада, что ты покончил наконец с лицедейством! – сказала мама Женьке, рисуя себе выходное лицо. – Столько свободного времени потрачено впустую...

Она смочила кончик карандаша языком и пустила стрелы от уголков глаз. Затем тщательно припудрила веки и начала примерять, в каком месте нарисовать легкие крылья бровей. Свои собственные светлые и широкие брови она считала невыразительными и тщательно выщипывала их нежную поросль каждую неделю. Ресницы тяжелые, одетые в мохнатую шубу объемной туши, прикрыли серые глаза, мама румянила скулы. Она смотрела на Женьку через зеркало, отражение чуть кривилось под маслянистыми пятнами от пальцев.

– Ма, в том же была вся моя жизнь! – Женька ушел из зеркала, не желая больше пялиться на мамин начесанный затылок. – Как ты не понимаешь?

– Я понимаю, что в конце года тебе сдавать ЕГЭ. – Мама промокнула блестящие губы салфеткой, и на ней остался густой томатный отпечаток. – Взятся бы лучше за голову, как твоя Энциклопедия.

– Она не моя! – окрысился Женька, распахнул дверь на кухню и с налету опрокинул в себя полграфина кипяченой

воды, стараясь как-то разбавить чувство досады и горечи.

С Элей они дружили с первого класса. Многие даже считали их парочкой, но это была чистейшая ложь. Женька всегда легко сходился с девчонками, намного проще, чем с ребятами. Его не привлекали brutальные развлечения типа дворового футбола, а кулачные бои казались неандертальским зверством. Потому мальчишеские компании он обходил стороной, и лишь порою из их недр до Женьки долетали меткие насмешки. Девочки же легко принимали его в свой кружевной розовый мир и никогда не видели в Женьке чужака. Не стеснялись и не краснели в его присутствии, а вели себя естественно, точно рыбы в воде, которые ни капли не боятся попасть на крючок. Женька не вызывал у девочек тех эмоций, что теснят юную душу, заставляя чуть немочь дрожащие конечности. Он всегда был для них лишь хорошим товарищем, а для Эли – лучшим другом. Что-то необъяснимое, невидимое с первого взгляда, привлекло Элю в тщедушном и восторженном пареньке. Вполне вероятно, случилось единство противоположностей или же ребят породнило местоположение. Еще в первом классе Женьку с Элей по воле случая посадили за одну парту. Эля сразу взяла безмолвное шефство над крошечным мальчиком, позволяя ему беспрепятственно списывать трудные задания и по возможности подсказывала на контрольных. Она будто была одержима желанием заботиться о ком-то, и Женька благодарно окунался в эту сокрушительную стихию. Со временем благодарность перерос-

ла в привычку и даже привязанность. Одну парту они делили и по сей день – в итоговом одиннадцатом классе. Дотошная отличница, по прозвищу Энциклопедия, которое получила за неиссякаемые знания и тяжеловесную форму, а рядом странноватый мальчишка, восторженный фанат школьной самодеятельности.

– Жека, да не обижайся ты! – донесся одновременно извиняющийся и требовательный голос матери. – Лучше помоги мне выбрать платье.

В комнате клацали вешалки, наряды летели из шкафа на кровать, разноцветные и легкие, точно осенние листья. Женька уже видел, как мама, с капризным лицом, глядит в голый шкаф и говорит, чуть выпячивая нижнюю пухлую губу: «Мне совершенно нечего надеть!» После чего, забыв обо всех сыновних бедах и горестях, с ледяным сердцем и горячим желанием опустошить кошелек, она ринется в торговый центр. Чтобы к вечеру принести хрустящие пакеты с обновками, которые упрямо не захотят помещаться на полках.

– Как ты можешь думать о платьях, если у твоего сына, можно сказать, рушится судьба? – Женька сунул недовольную рожицу в мамину комнату и, тут же получив шпилькой в живот, исступленно взвыл: – Ты меня убиваешь!

– Не глупи! – шутливо отмахнулась кремовой лодочкой мама. – Твой драмкружок – это же сборище бездарей, неуспевающих даже по физкультуре.

Женька смотрел, как мама завивает вокруг шеи воздуш-

ный травяной шарф и ползущее от окна осеннее солнце щекочет его, струится ниже – по тыквенному платью, озаряя всю хрупкую фигурку и делая ее почти невесомой, летящей. Это была не женщина, а богиня. Женьке на миг захотелось стать этим полиэфестеровым шарфиком, чтобы стиснуть свое объятие на маминой шее.

– И не вздумай расстраиваться! – Не испугавшись оскала, мама подлетела к Женьке и причесала его макушку граблями отточенного маникюра. – Давай лучше отпразднуем это знаменательное событие! Купим тебе что-нибудь, а потом закажем пиццу и глянем киношку?

Она явно хотела направить Женькин аппетит в мирное, продовольственное русло.

– Мне тошно это слышать! – театрально произнес Женька, привыкший изъясняться в основном на сцене.

Безучастная к желудочным проблемам сына, мама суетилась, шуровала по комнате, где все напоминало кукольный дом или декорацию какого-то дешевого шоу для домохозяйек. Все предметы были непереносимо яркие и совершенно ненужные. Женька понятия не имел, как называются и, главное, на что годны прозрачные колбочки, в чьих горлышках застревал даже стебель цветка. Висячая мишура, похожая на клейкие ленты для ловли насекомых. Пара напольных пуфов-мешков, в которых позвоночник изгибался луком, пускающая к потолку стрелы коленей. Встать из этого положения без посторонней помощи могли лишь тягучие гимнасты и тан-

цоры, которым ничего не стоило дать гопака. На открытых для пыли стеллажах, как матрешки, выстроились глянцевые картонные короба всевозможных размеров. Что удивительно, все они были пусты. Маме лень было распахивать каждую из коробок в поисках нужной вещицы, потому вязаные бусы, деревянные браслеты, шейные платки и выщипанные из хвоста павлина пернатые серьги лежали в беспорядке повсюду. И сейчас хозяйка металась в поисках необходимой побрякушки, успокоившись лишь насадив на грудь широколистную маковую брошь.

– Ну вот, теперь образ собрался, – удовлетворенно мяукнула она, вдыхая аромат ситцевого мака, и уверенно направилась в коридор, где по обычаю покоились еще полчаса времени, убитого на примерку обуви.

С некоторой грустью осознавая, что злость его куда-то испаряется, Женька потащился за мамой, подвывая уныло, нараспев:

– Я потерял жизни суть, а тебе все цветочки...

Злиться на маму Женька совершенно не умел, порой казалось, будто в их семье ребенок именно она. В доме царил бесконечный день непослушания. Никакого режима, правильной пищи и отутюженных рубашек. Такому мог бы позавидовать любой подросток, до отрыжки закормленный домашними котлетами. Наверное, из чувства юношеского, бунтующего противоречия Женька порой мечтал о заведенном точном будильнике и глазастой яичнице вместо чипсов по утрам. А

еще, чтобы у лифта его поймали и по-хозяйски нахлобучили на макушку тугую вязаную шапочку.

– Может, все-таки пойдешь со мной? – Мама впервые устала на Женьку свои свеженарисованные глазки. – Купим тебе новые джинсы, эти уже коротковаты, носки торчат.

Женька попятился, гордо сверкая носками.

– Скажи, пожалуйста, а куда ты собираешься деть все это? – Он выразительно махнул костлявым запястьем в сторону кукольной комнаты, где на кровати лежал целый шкаф устаревшего на сегодняшний день шмотья.

– Отдам. Я похудела, мне это велико. – Мама втянула щеки, распахнула рот и провела пальцем по уголкам рыбьих губ, убирая излишки блеска. – Хотя бы твоей Эле подарю.

– Издеваешься? – Женька вспомнил дородную, пышущую здоровьем фигуру Эли.

– Ну хорошо, прошу прощения, не твоей, – послушно согласилась мама, надевая, а потом снова снимая с макушки мохнатый берет, магнетически действующий на тут же вздыбившиеся волосы. – Она еще похудеет, говорю тебе. Просто сейчас у нее пубертатный возраст, гормональная перестройка, в это время девочки часто раздаются. Признаюсь, я тоже была пухленькой в десятом...

Женька с недоверием взглянул на полупрозрачную мамину конструкцию. А потом представил Элю в одном из маминых облегающих платьев, поясок которого перетягивает ее талию, точно веревка жирную ветчину, во рту стало соле-

но. Его жизнь развалилась на части, как пирамидка, из которой выдернули остов, а мать только и могла позвать с собою в магазин за обновками, да накормить резиновой пиццей. Он чувствовал себя потерянным и беспомощным. На миг ему даже захотелось простить невыносимую подлость Борова и вернуться в кружок, чтобы жизнь вновь стала привычной и понятной. Но роль Маленькой разбойницы была непосильной, такого Женька перенести просто не мог.

– Да, и еще! – Мама попробовала сделать строгое лицо, но стремящиеся к ушам крылья бровей никак не желали сходиться на переносице. – Когда будешь отдавать Энциклопедии платья, обязательно попроси ее о занятиях. – Мама перешла к последнему этапу сборов и теперь упорно пропихивала широкий кошелек в узкий клатч. – Уверена, она не откажет.

– Ма-а, ну зачем мне это? – протяжно и вяло протестовал Женька.

– А как ты думаешь сдавать ЕГЭ? Поступать в вуз, в конце концов? – Мама никак не могла справиться с кошельком, который упрямо выкидывал пухлый угол наружу. – Или в армию захотел?

Откровенно говоря, сдавать ЕГЭ Женька и не думал. Поступление в вуз просто не брал в голову. И разве Кай во дворце Снежной королевы станет размышлять о какой-то там армии?

– А тебе какая разница? Сдам я ЕГЭ или нет? Поступлю

в вуз или пойду в армию? – огрызнулся Женька на маму, которую всегда мало интересовали его перспективы. – Сама рассказывала, сколько экзаменов завалила. И живешь себе прекрасно без высшего образования с парикмахерскими и маникюрными курсами. Тебе же за одну процедуру «шеллак» клиентки платят больше, чем какому-нибудь профессору-африканисту в месяц.

Мама с возмущением давила на защелку клатча, что никак не желала смыкаться. Пальцы ее побелели от напряжения, лоб сморщился. Она кинула на Женьку исстрадавшийся взгляд, полный муки и отчаяния.

– А может, я не хочу, чтобы ты превратился в меня! – выдохнула наконец она.

Клатч звонко и победоносно защелкнулся. Следом хлопнула дверь. В коридоре от мамы остался лишь тугой аромат бюджетных духов. Женька вдыхал его, и глаза слезились от густоты паров дешевого парфюма, он впервые подумал: а что, если мама не слишком счастлива от такой жизни?..

Глава третья, в которой герой ступает на путь хорошей успеваемости

Женька лениво, с нарочитой медлительностью брел кармельными дворами, пока дождь игриво щекотал лужи, не ведая ничего о беспощадных экзаменах. А совсем рядом, утопая в вечернем влажном тумане, сустились счастливые горожане. Собачники караулили своих питомцев у мокрых кустов. Молодые упорные матери толкали перед собой коляски, застегнутые в водоотталкивающий полиэтилен, а дети бездумно глядели из-под него, словно только что купленные и еще не распакованные куклы. Старухи с длинными желтыми руками кормили голубей черствым хлебом. Где-то сигналили автомобили, запертые в вечерних пробках. Москва жила своей обыкновенной праздной жизнью, и лишь Женька был угнетен зависшим где-то вдали, за зимою, неминуемым ЕГЭ.

Еще совсем недавно Женькино существование было таким же беспечным и непосредственным, как жизнь лихого жеребца, который отгорожен от требовательной повседневности шорами и видит лишь то, что желает, к чему стремится. Женька никогда всерьез не задумывался о выпускных экзаменах и поступлении в университет. В его голове нескон-

чаемой круговертью звучали лишь слова будущих, настоящих или прошлых ролей. Одним разом в Женьке могли сосуществовать по нескольку сказочных персонажей, только сам он все чаще терялся, оставаясь за театральной кулисой, как ненужный, сношенный костюм. И вот сейчас, когда шоры оказались вдруг сдернуты, являя мир со всеми его требованиями и запросами, Женька стоял пред ним, точно обнаженный, переполненный стеснением и страхом.

– Парень, ты что ослеп? – отшатнулся черный зонт в стеганой болотной куртке.

Не извиняясь, Женька придвинул к себе ботинок, носом которого только что хотел подцепить кленовый лист, качающийся в луже, и тем самым чуть не выкинул подножку спешащему наперерез мужчине. Что-то прошипев через плечо, зонт поскакал дальше, прямо вброд, через глубокую лужу, полную мутной грязи. Мимо, точно палачи, проходили люди в глубоких капюшонах, что скрывали лица в непроглядной черноте. Женька застыл посреди дороги, сбивая прохожих с общего ритма движения. Некоторые особенно расторопные горожане даже облаяли его вместо своих продрогших собак. А Женьке и правда вдруг показалось, будто он ослеп или же вокруг неожиданно выключили весь белый свет. Куда двигаться дальше – совершенно непонятно. Он даже инстинктивно выпятил руки, желая передвигаться на ощупь, чем еще больше разозлил палачей-прохожих.

– Куда ты прешь? – пробасила тощая девчонка в резино-

вых сапогах с каблуками.

И Женька наконец вспомнил, что идет он к Энциклопедии, набираться уму-разуму. Хотя это было наименьшим из того, о чем он когда-либо смел мечтать. Правую руку его оттягивал увесистый пакет, в который мама сгрузила все свои ненужные платья – это была подачка Эле, призванная задобрить подружку. Женька втихаря собирался просто-напросто оставить пакет у какой-нибудь помойки, но до сих пор по пути ему встречались лишь урны, узкие горлышки которых поперхнулись бы этим несметным богатством. Домой к подруге он шел впервые, пожалуй, любопытство явилось сейчас единственным стимулом, заставившим ноги вновь ожить, продолжая путь вперед.

Женька уже представлял себе жилище, пропитанное пылью старых книг, чуть унылое, но вместе с тем таинственное и манящее. Старомодную мебель и обязательно – на стенах ковры с искусным, поеденным молью узором. Эля всегда отмахивалась, когда речь заходила об ее доме и родителях, мол, в том нет ничего интересного. Зато она часто и с удовольствием проводила время у Женьки, и даже игрушечная комната его матери вызывала у Эли что-то близкое к восторгу. Точно у ребенка, попавшего в цирк. Она не спешила уходить из Женькиного глянцевого мирка вечного непослушания, обмолвившись однажды, что дома у нее все слишком скучно и правильно. А суровый и строгий отец походит скорее на цербера, чем на любящего и заботливого родителя. Он

наотрез запрещал дочери близко сходиться с мальчишками, долго и назидательно говорил что-то про идейную, моральную и физическую незрелость. Женька и представить себе не мог, что у незрелости может быть столько граней. Энциклопедия ни разу не звала его к себе домой, дабы не вызвать праведный гнев свирепого родителя.

– Но как же тогда отец отпускает тебя ко мне? – искренне удивлялся Женька. – Не думаю, что ты успеваешь дозреть морально и как там еще?... по дороге в гости.

– Он просто не знает, что я хожу домой к парню, – отвечала Эля, невинно задирая бровки.

– Так ты обманываешь его? – Женька заглядывал в честные, выпученные из-под бровей, глаза подруги. – Поверить не могу! Ты умеешь врать?

Эля скептически усмехалась, трясла головой в редких кудряшках:

– Вовсе я не обманываю, просто не говорю всей правды.

– Как это?

– Он знает, что я дружу с Женькой...

– И?

– Отец уверен, что ты девочка. – Эля крыла изумленного Женьку ровным и спокойным взглядом. – Он даже представить себе не может иного. Я и мальчишка...

– Да-а... Странные у тебя отношения с папой.

– Ты ничего не понимаешь. – Во взгляде Эли мелькало что-то твердое и острое, он одновременно резал и колол. –

Отец – это же просто ужас!

После таких слов Женька окончательно терялся. Он действительно ничего не смыслил в этом деле. Отца у него не было, и, похоже, Эля была единственной, кто думал, будто ему повезло. После таких ответов Женька перестал задавать подруге вопросы о доме и родителях. На самом деле, они и болтали-то не так уж много. Эля всегда была тихой и молчаливой, свои желания она любила выражать сразу действием, без лишних слов. Просто шла за Женькой после школы, молча и уверенно провожая до дома. А Женька фонтанировал, радуясь случайному слушателю, без передышки молчал что-то о новых спектаклях, репетировал роли. Он видел перед собой лишь сцену, но слышал рядом твердую, тяжелую и отчего-то умиротворяющую поступь Энциклопедии. Ощущал ее грудное, теплое дыхание возле макушки. «Зайдешь? – спрашивал скорее для приличия, незаметно оказавшись возле собственного подъезда. – Дома никого». Эля кивала в ответ, и лифт, шумно перекатывая кабину от этажа к этажу, вез их в маленькую, гляцевую квартирку. Где Женька продолжал разучивать страницы текста, а Эля, по-прежнему молча, кормила его рюкзак нужными учебниками и тетрадями с выполненной домашней работой.

Но именно этой осенью, когда ее помощь стала воистину необходима, Эля вдруг отказалась делить с Женькой их привычный и уютный мирок единства противоположностей. А случилось все по воле ее отца, суровость которого стала про-

сто невыносимой. В одиннадцатом, решающем классе он вообще запретил дочери гулять после уроков. Теперь Эля должна была все свободное время проводить под неустанным родительским контролем. Видимо, отец опасался, что годы отличной учебы могут отправиться в тартарары, если повзрослевшая дочь вдруг вырвется из-под гнета и пустится познавать бесцельную и пустую жизнь счастливых лоботрясов. Допустить такое на подступах к золотой медали и поступлению в лучший институт города, отец просто не мог. Потому контроль стал тотальным вопреки всем слезам и мольбам дочери. Так Эля лишилась единственной отдушины, сладкого глотка свободы в кукольном мире своего непутевого, слегка блаженного друга. И Женька, казалось, был недалек от фатального провала: ему пора было задуматься о бритье патлатой головы в преддверии армейских будней. Нагнать школьную программу самостоятельно стало бы непосильной, титанической задачей. Оставалось лишь одно – готовиться к худшему. Женьку ждала верная погибель в борьбе с домашними заданиями или того хуже: он мог запросто испустить дух на занятиях с каким-нибудь дотошным занудой репетитором.

И вот, когда собственная жизнь уже казалась Женьке ошибкой, коверкающей исконное Слово бытия, неожиданно позвонила Эля. С несвойственным ей в обычные дни восторгом, она пролепетала что-то о появлении неожиданной лазейки – паре часов несколько раз в неделю, когда ее мама станет ходить в спортзал, покидая место бессменного зато-

чения домохозяйки. Тем временем можно будет беспрепятственно заниматься у Эли в комнате. И она клянется здоровьем Женьки, что к весне натаскает дружка так, что ЕГЭ покажется ему пакетиком жареных семечек – только щелкай задания! Стоит признать, в тот момент Женьку несказанно вдохновила эта перспектива...

Но сейчас, когда каждый шаг приближал его к нудным занятиям, на душе становилось все более тоскливо, Женька искал любого повода, чтобы если не отменить полностью, то хотя бы несколько отсрочить встречу со знаниями. Он оглядывался по сторонам, будто искал спасения, но стена дождя становилась все непрогляднее. И вдруг навстречу Женьке из ливня выскочил Северный олень. Взметнув кривые рога, он проскакал мимо, кажется, вовсе не заметив бывшего коллегу. Титяков мерил лужи метровыми ботинками, и руки его кружили возле тощего тела, точно лопасти кривой мельницы, на одной из которых немислимым образом повисли рога. Женька снова остановился, ему хотелось бежать вслед за Титяковым, также спешить на репетицию, чтобы вскоре оказаться в светлом и просторном физкультурном зале, отдаться во власть неутомимого Борова. Сейчас Женьку не пугали даже олени рога из гнутых веток какого-то несчастного дерева. Кажется, он с радостью нахлобучил бы их себе на голову. Его охватило чувство неожиданной свободы – вот сейчас он вышвырнет ненужные пакеты с платьями, забудет вновь обо всех экзаменах и окунется в родной и близкий мир пе-

ревоплощений.

– Эй, Титяков! – крикнул он в рогатую спину и запел чуть пискляво, пытаясь поймать верхние ноты: – «Осенью в дождливый серый день, проскакал по городу олень!..»

Но Титяков не услышал его, не обернулся и не застыл, виновато щурясь. Он не помахал свободной рукой-лопастью, приглашая бежать дальше вдвоем. Лишь продолжал сеять по сторонам тяжелые брызги, все больше и больше отдаляясь, он уходил в туман. Обида вновь сковала горло, Женька понимал, что «Маска» живет по-прежнему. Также идут вечерние репетиции, все роли давно розданы. Механизм работает отлаженно и четко. Без него. И Маленькой разбойницей скорее всего уже назначили какую-нибудь оторву и прогульщицу. А Женьке остается лишь строить заново свою дырявую, насквозь промокшую жизнь. Он развернулся и, что есть мочи, припустил к дому Эли, а в ушах звучала старая детская песенка, такая высокая, что ее звуки взлетали вверх, ударяясь в каменные облака, чтобы там расколоться и просыпаться прохожим на головы: «Он бежал, и сильные рога задевали тучи, облака...»

Глава четвертая, в которой, по существу, и начинается история

Женька впечатал в стену кнопку звонка. Теперь отступить было поздно. Он уже видел, как дверь распахивается, и его тотчас принимают в свои тиски железные клешни просвещения. Где-то за толстой стеной охрипшей птицей заливался звонок, но дверь оставалась недвижима. Женька придвинул лицо ближе, поднялся на носки и зачем-то заглянул в глазок. За ним лежала темень. Тогда Женька приложил к глазку ухо – опять ничего. Он еще раз надавил на кнопку звонка, и птица снова запищала, точно ее резали заживо. За дверью вроде бы произошло какое-то движение, неясный треск или хруст. Женька подумал было в третий раз послушать песню безголосого павлина, но вместо этого малодушно сделал шаг назад. Он хотел уже рвануть обратно, обрадованный тем, что сегодня занятия не состоятся, в чем нет его вины. Отступил, развернулся, но тут соседняя дверь бесшумно распахнулась, и кто-то крепко схватил его за плечо.

– Эй, ты куда собрался? – Эля притянула Женю к себе, и ему даже пришлось попятиться, чтобы ноги поспедали за спиной.

– Я думал, тебя нет дома, – оправдывался он, против воли

вваливаясь в теплую квартиру. – Наверное, просто перепутал звонок.

– Что? Ты позвонил в соседнюю квартиру? – голос Эли неожиданно стал сиплым, она зачем-то шептала, кивая на дверь с павлиньим звонком.

– Ну да, – без стеснения сознался Женька, наконец обретая самостоятельное равновесие. – А что в этом страшного? Там все равно никого нет.

– Там всегда кто-то есть! – Лицо Эли выражало несвойственную ему тревогу, если не испуг.

– Но почему же тогда мне не открыли?

Эля еще раз как-то затравленно выглянула в коридор и, обнаружив его пустым и холодным, тут же захлопнула дверь в свою квартиру, снова почувствовав себя в безопасности.

– Это долгая история, – ответила будто нехотя, с напускной скукой. – А нам надо заниматься.

Женька послушно скинул хлюпающие ботинки и остался в мокрых носках посреди широкого коридора, выстеленного шершавой плиткой. Квартира Эли выглядела светлой и просторной – никакого запаха пыли, что щекочет нос. Не оказалось здесь и рядов стеллажей, ломящихся от книг, нигде не стояло старой деревянной мебели. Дом ее скорее напоминал номер в хорошей гостинице. Только что отремонтированный, чистый и какой-то безликий. Здесь не было ни одного потаенного, скрытого от глаз уголка, где могла бы спрятаться загадка. Женька даже почувствовал себя обманутым,

как в ту памятную ночь, когда нечаянно узнал, что Зубная фея, оставляющая под подушкой деньги взамен выпавших молочных зубов, – это всего лишь его мама. Вроде и деньги были те же, и щедрость не изменилась, но радости от обретения даров уже не было никакой.

– А это еще что такое? – Эля дернула Женьку за руку, указывая на пакеты. – Не похоже на учебники.

Только тут Женька вспомнил, что так и не выкинул маминот отказное тряпье.

– Да, понимаешь, мама тебе одежду передала...

Женька виновато опустил голову и уставился на свои мокрые, неприятно холодящие ноги носки. Но слов оправдания не понадобилось, Эля охотно вцепилась в пакет и уже пыталась окунуть в его глубины свой широкий, чуть вздернутый нос.

– Какой аромат! – Она жадно тянула в себя пропитанный мамиными бюджетными духами воздух из тугого пакета, а потом чихнула с выражением полной благодати на румянном лице.

– Носи на здоровье, – зачем-то ляпнул Женька, вспоминая, как однажды ему удалось запихнуть пухлую квадратную подушку в узкую европейскую наволочку.

Эля уже волокла свое богатство в дальнюю комнату, она махнула рукой, приглашая Женьку за собой. И он поспешил следом, оставляя на кафеле мокрую дорожку следов.

Комната Эли в отличие от коридора неожиданно оказа-

лась больше похожа на обиталище человека, чем туриста на отдыхе. Те обычно имеют лишь одну цель: спокойно переночевать в тихом и чистом месте, чтобы поутру сгинуть безвозвратно, прихватив с собой одноразовые тапочки и банное полотенце. Увидев вокруг себя небольшой творческий беспорядок, Женька потихоньку начал осваиваться. Учебники здесь без стыда валились со стола прямо на пол, а корзина для мусора была плотно утрамбована наспех вырванными листьями из тетрадей, где кишели нерешенные уравнения и задачи по алгебре или геометрии. Женька не отличил бы одно от другого и в расправленном виде. Ветер рвался в комнату сквозь щель между тяжеловатыми для девичьей комнаты песочными занавесками и катал по столу изгрызенную шариковую ручку. Но не успел Женька настроиться на серьезный лад, как по его бокам захлопали увесистые ладони подруги.

– Раздевайся, – скомандовала она и без лишних слов стала расстегивать его штаны.

Женька инстинктивно схватился за брюки, такого поворота событий он никак не ожидал. Попытка сближения выглядела слишком прямолинейной и какой-то грубой, но, главное, Женька не находил в себе взаимности. Он попросту смутился до приставучей икоты.

– Ы-ы... Ы-ы... Ты-ы чего?

– Прекрати сопротивляться! – Эля без стыда и промедления взялась за пуговицы на рубашке.

– Не прекратю! – Женька все еще отчаянно держался за штаны, не давая им пасть к ногам подруги. – Я, пр-ик-знать-ся, не готов к серьезным отношениям!

Теперь Эля старательно разжимала Женькины пальцы, в попытках отвоевать брюки. Она склонила голову и чуть присела, точно борец сумо. Взгляд ее был упертый, прямой и спокойный. Зато Женька все сильнее краснел, в смущении отводя глаза. И тут подбородок Эли вдруг запрыгал, щеки затряслись – она рассмеялась, неожиданно звонко, совсем как ребенок.

– Ты что, подумал, я к тебе пристаю? – заливалась она, и ее губы плясали вокруг зубов. – Вот глупый!

От неожиданности Женька отпустил брюки, и те тотчас безвольно сползли на пол. Продолжая хихикать, Эля буквально выдрала их из-под ног, подхватила рубаху и отправила одежду под качающуюся занавеску.

– Твоя одежда насквозь мокрая. Ее надо срочно высушить! – Она расправляла брюки на пышущей жаром батарее. – Носки сам снимешь или тоже помощь нужна?

Женька выпрыгнул из носков, как кузнечик. Ему сразу стало легко и свободно, мокрая одежда не сковывала, к тому же он только что счастливо избежал участи быть зацелованным прямо на письменном столе. Эля притащила из коридора промокшие ботинки и, начинив их смятыми листами из ведра, точно рождественских уток капустой, отправила «тушиться» под батарею.

– Ну что, начнем занятия? – Женька обернулся в протянутый шерстяной плед, чье колючее тепло показалось нежной лаской.

Никогда еще он с такой радостью не брался за учебники. Ему, как новичку, даже повезло с построением фигур, они вышли похожими на геометрические. Эля взялась за роль наставника с тем же рвением, с каким только что пыталась содрать с друга брюки. Она предложила Женьке штудировать параграфы, изображая учителей предметников. Вот тут пошла работа! Читая учебник по биологии, Женька чесал затылок карандашом через невидимый пучок седоватых волос и поминутно вываливал язык, обдавая влагой оттопыренную, нижнюю губу. Эля гоготала, точно гусыня. Затем Женька вилял бедрами, раскачиваясь, как поплавок, изображая молодящуюся физичку. А потом, раздувая щеки и оглаживая воображаемую бородку, Женька постукивал босой пяткой по полу и размахивал учебником истории, как флагом. В тот момент, когда Женька дошел до последнего из заданных уроков и покусился на самого Менделеева, в прихожей неожиданно хлопнула дверь.

– Кто это? – прошептал Женька, весь вдруг скукожившись под пледом.

– Наверное, мама раньше времени вернулась. – Эля испуганно рванула к батарее. – Я ее отвлеку, а ты быстренько смывайся. Голый парень в моей комнате сведет ее к психологу.

Но не успела Эля отдернуть занавеску, как из коридора послышался тягучий басок:

– Я дома! Почему никто не встречает отца семейства? – И тут же к комнате стали приближаться звонкие шаги, видимо, переобуваться отец не стал. – Элина! Ты здесь?

Эля заметалась возле окна, будто желала вылететь через несоразмерно узкую форточку, а потом рванула на голос, выскочила в коридор и надежно приперла дверь в комнату широкой спиной. Женька стремительно натягивал брюки, но от спешки влажные штанины сплетались одна с другой, ноги предательски буксовали.

– Пап, привет! – раздался за дверью делано-непринужденный голос Эли. – Почему ты так рано?

– У нас сегодня будут гости. А где мама?

– В спортзале...

– Где? – возмутился басок. – Что она там делает?

– Приводит себя в форму, – оправдывалась Эля. – Ты же сам велел...

– Ну да, ну да, – скоро соглашался бас. – Сейчас позвоню ей, а ты пока скоренько накрывай стол в гостиной.

– Но почему ты не предупредил, что позовешь гостей? – Голос Эли зазвучал увереннее. – Мы с мамой успели бы подготовиться.

– Я же говорил, моя семья должна быть в перманентной боеготовности! – Басок явно разозлился.

– Так это будет ужин или бой?

– Хватит болтать! И надень что-нибудь попримличнее.

– Вся эта показуха для твоего нового партнера, да?

Дверь снова хлопнула, рассерженная Эля вернулась в комнату, вид у нее был весьма боевитый. Будто она действительно готовилась к сражению. Но, узрев полуголого дружка, о существовании которого она попросту забыла в пылу спора, Эля уронила лоб в ладони и тихонько запищала.

– Поторапливайся там! – донесся командный голос цербера.

Женька понял, что мимо него просто так проскочить не выйдет. И приготовился к безвременной и мучительной смерти. Он уже видел, как басовитый громила разделяет его, точно окунька.

– Может, я отсижусь здесь до утра? – спросил тихонько, кивая на внушительный шкаф. – Места в нем, кажется, больше, чем в моей комнате.

– Не может быть и речи! – Эля кусала губы и заламывала пальцы. – Но в таком виде появляться перед моим отцом тебе никак нельзя. Мы же совсем недавно заточили ножи...

Женька подумал, что этот грозный тип возьмет его и голыми руками.

– Но у меня нет другого вида, – вздохнул он обреченно.

И тут лицо Эли приняло опасное выражение беспричинного ликования, уголки губ утонули в щеках, глаза сощурились. Она распахнула свой бездонный шкаф и швырнула на диван пакет с платьями Женькиной мамы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.